

Встречный марш

Повесть

СТРОЙ ГОЛЫХ ребят прошёл мимо меня. У меня есть два серьёзных отличия. Первое: я одет. У меня в руках бумажка «форма 26», которой нет ни у одного из них, — и это второе. После завтра они будут трястись по поездам и расхаживать по казармам, а я — сидеть на лекциях. Моя жизнь может быть как угодно неустроенна и катиться по наклонной, но сейчас каждый их них завидует мне.

Отдаю справку и паспорт в окошко. Служащая смотрит в моё дело, где подшиты предыдущие справки, потом мне возвращают паспорт, я иду по коридору на выход. В стеклянных шкафах стоят склеенные модели танков, а в углу, у батареи, манекен солдата в синем берете. Кто-то засунул ему за ухо сигарету. Седой офицер, заправляющий призывниками, злится и орёт на сидящих в трусах школьников, те не шевелятся: «Кто, я? Я этого не делал». — «Мне плевать кто!» Офицер обдаёт и меня злым взглядом, но я выскальзываю на лестницу.

Нет ничего удивительного в том, что я три года исправно ношу сюда справки. Но каждый

раз чувствую облегчение. Житель древности, принёсший сезонную жертву своим несуществующим богам.

Добираюсь до института к концу первой пары. Сейчас перед военными я был из другого неподвластного сословия, а приехав в свой замок, тут же стал последним батраком. Косо смотрят, когда я заглядываю в деканат узнать, будет ли пересдача.

— Все пересдачи до двадцатого сентября.

— Так сейчас только двенадцатое.

— А, ну смотри. Вылетишь.

— Я всё сдам.

— Смотри. Будешь и в этом году пропускать, то поблажек уже не будет второй раз. А почему сейчас ты не на занятии?

— Я в военкомате был. Больше не буду, что вы.

Надо было идти по музыкальной части. Не хочу я эти чертежи. Меня в пятом классе учительница хвалила по геометрии, на том и надо было остановиться.

Жду в коридоре профессора, чтобы сдать ему контрольные и получить допуск к пересдаче. В окно видно, как на другой стороне улицы, на лавочке, сидят студенты, кажется, первокурсники. Они потягивают пиво и щурятся на солнце. В такие минуты я разделяюсь на двух человек: один хочет заморозить жизнь и всё время быть

на первом курсе, а другой укоряет первого и показывает на семью, на будущее и прочие ценные вещи, но появляется профессор, я соединяюсь и встаю. С видом учтивого студента протягиваю ему тубус. Мы смотрим чертежи в свободной аудитории, он просматривает всё за минуту.

— Ну ладно, — говорит он, — почему же не сразу? Делали бы вовремя и сейчас бы гуляли себе спокойно. Пересдача будет послезавтра.

Я возвращаюсь домой. Надо бы братья за книги.

А мать и отец на работах ещё, могу спокойно поиграть: включаю пианино, прибавляю громкость. Когда родители дома, то нельзя больше трёх, сейчас ставлю шесть. Еле слышно шипят динамики. Смотрю на клавиши.

В четыре или пять лет меня записали в музыкальную школу. Учительница там говорила, что особых способностей нет, но заниматься не отказывалась — отказывался я. Мама, хотя и не могла проконтролировать, действительно ли верно я разучиваю домашнее задание, всё же сидела рядом, когда я неровно и медленно выводил по книжке этюды. Добравшись до конца страницы и оборвав последнюю ноту на половине, я радостно вскакивал и убегал подальше от огромной чёрной «Лиры».

Прошло много лет и что-то всё же сработало: я научился играть на гитаре, потом заново вспомнил нотную грамоту. Потом пришёл настройщик, у него было красное лицо и татуировки, он раздел инструмент до механики и начал крутить колки, стучать молоточком по струнам; в соседней комнате я пытался записать на магнитофон звуки настройки через прикрытую дверь. Закончив, грубыми пальцами он пробежался по всей клавиатуре, сыграв бодрую гамму, и сказал, что инструмент хороший, только старый. Потом я за несколько месяцев сыграл на этой «Лире» всю программу по оставшимся учебникам. Пианино плохо держало строй, сказались годы вне настройки, я купил цифровое фортепиано. Мне говорили, что у меня нет слуха, что это не моё, что это пустая трата времени и лучше бы я занялся, наконец, своей карьерой.

Нет, не могу. Закрываю крышку, опускаю голову, стыдно видеть это бело-черное немое и смеющееся надо мной приглашение. Опять всё вспомнил про...

Я нигде не работаю. Валяю дурака, как говорят. «Иди хоть каким-нибудь курьером», — говорит мне мать. «Ага, в кафе музыкантом». Я видел таких иногда: просто комната, в которой люди пьют пиво и в углу стоит синтезатор, а за ним почти старик с седым хвостом и в круг-

лых черных очках. Может быть, сейчас он поднимет руки, начнёт играть и помолодеет, оживёт. Люди слегка повернутся с первыми строчками, а потом продолжат свои кислые беседы; почти старик доиграет, потом потянется, чтобы снять очки. Он не помолодел. Не видать его глаз.

А мог бы и я подменять его по четвергам. Лучше терпеть мамины укоры.

Поднимаю голову, на полированной крышке мутное пятно, откидываю её.

Ещё пропавший день. Вечером квартира наполняется семьей, я уже не могу быть один. Лежу у себя на кровати, слушаю, как отец стучит пятками: умылся в ванной, переоделся в спальне, теперь на кухне открывает холодильник.

Открывается дверь, я смотрю с кровати, здоров голову назад, — в комнату заходит мать.

— Как дела?

— Нормально.

— В институте как?

— Всё нормально.

— Хвосты свои сдал?

— Буду сдавать в понедельник, говорил уже.

— А с работой что?

— Когда будут какие-то подвижки, я тебе скажу.

— Хорошо. И ужинать выходи через десять минут.

Я нашариваю рукой пульт от магнитофона под кроватью, жму «плей».

Я почти никогда ничего не делаю. Другие как-то суетятся... Недавно мне говорит один товарищ из института: «Я вот хожу в кино, мы встречаемся с Олей, в боулинг ещё и качалку, а ты чем можешь похвастаться?» Я вообще хвастаться не люблю. Занятия у меня скромные: сижу дома, думаю, переслушиваю «Dark side of the moon»... Девушка у меня была и ушла. Вот об этом я жалею действительно. Но ничего не вернёшь, а всё из-за работы. У меня нет оправданий. Хочу играть на фоно. Надо было идти по музыкальной части. Вспоминаю один день.

Я устраивался на работу очередным курьером. Дело было в Хорошевском переулке, место и впрямь неплохое. Во дворе дома-колодца стояло белое изваяние: мальчик и девочка, у мальчика на лбу были три буквы. Я обошёл внутреннюю площадку кругом, в песочнице возились дети. Это был май, а я был первокурсник. Не мог найти контору, потом позвонил им, перечислил ориентиры. «Ну вот, за мусорными баками и будет серая дверь, заходите». Я нашёл железную дверь в подвал, внутри шла какая-то стройка, были навалены мешки и строительный мусор, пахло ка-

менной пылью. Встретил охранник, направил в комнату для собеседований. Там меня принял менеджер. «У нас много важных клиентов. „Биллайн“, например. Или ну не стоит удивляться, если на бандероли будет адрес Красная площадь, дом один». Я кивал положенное число раз, сказал, что позвоню, когда решу, какой будет у меня график. Потом не звонил.

Us... and them. Поднялся с кровати, надо выйти к ужину.

На кухне отец, смотрит. Я не поднимаю глаз, гляжу в тарелку, на сосиски.

— Ну что ты надумал с работой?

Отрезаю кусок, жую. Не отвечаю.

Отец что-то говорит мне тихим и унылым тоном. Ему и самому неприятно меня отчитывать в который раз; уж, наверное, думает махнуть на это рукой, пусть на шее висит, зато нервы целее будут. Тогда я немного вру из жалости к этому его положению:

— Пац, я не хочу пока говорить. Есть кое-что...

Так бывает, когда я играю что-нибудь и слышу в знакомых звуках что-то новое, неизвестное. Я повторяю это и постепенно вытягиваю на свет совершенно новую мысль, живую и бьющуюся. И я улыбаюсь. Мысль мне нравится, но она настолько невероятна, что сам не знаю, как её думать.

Не доев, я поднимаюсь из-за стола и ухожу к себе в комнату, закрываю дверь, шумит компьютер.

В голове очень ясный и сияющий глупостью образ действий: я должен написать письмо Филиппу Киркорову и предложить записать новый альбом. И имя это выскочило само собой. Секунду всё же мысли: случилось мне иногда писать рассказы, и сомневаюсь, может, написать об этом рассказ, а не совершать ничего по-настоящему?

Представляю, как захожу во все эти музыкальные салоны и просто указываю пальцем направо и налево в каждом отделе, среди запахов дорогого пластика, железа и дерева. Представляю уже готовые записи, которые мы слушаем в аппаратной, и остались только мелочи, краски и оттенки приятной, украшающей работы. Представляю изумлённые лица людей, которые купили этот альбом. Сколько моей жизни прошло в этих представлениях, я прожил уже десятки вариантов вперёд. И в другое время я засыпал под вариации таких мыслей, но сейчас — вписываю в адресную строку «киркоров.ру». Может быть, я уже заснул?

Главная страница — на чёрном фоне Филипп в белой рубашке, раскинув руки навстречу по-

сетителю. Белый невырезанный контур вокруг вьющихся волос на фотографии. Подмигивающие кнопки меню. В разделе новостей сообщение: «Филиппу Киркорову было присуждено почётное звание Академика Академии Всех Добрых Людей. В честь этого двенадцатого августа на Аллее Славы Академии в Мытищах была установлена памятная звезда с именем певца». Тут есть и форма отправки письма ему или его команде для деловых предложений. Филиппу можно послать виртуальную открытку, которую выбираешь прямо тут же из трёх: с сердцем, с розой или с восходящим солнцем. Я пишу команде деловое предложение:

«Добрый день. Предлагаю записать новый альбом неформатной музыки Филиппу Киркорову. Это будет новое слово в российской музыкальной индустрии. Мой емейл...»

* * *

На следующий день наступили выходные. Чтобы позавтракать всей семьей, мы отодвигаем стол от стены и приносим из моей комнаты стул, на котором обычно свалены джинсы и свитера. Не могу удержаться, рассказываю о вчерашнем письме:

— Я вот что с работой придумал: я хочу написать письмо Филиппу Киркорову. Предложить записать альбом неформатной музыки. Я буду типа продюсер.

— А, ну что ж... — рассеяно говорит мама.

— Да. Я смог бы записать отличную музыку.

— Не сомневаюсь, — говорит отец.

— У него денег уже полно, и диск, на котором написано его имя, точно купит большое число людей. Он может позволить себе рискнуть. Как блажь такая.

— Ты что, серьёзно? — мать смотрит на меня обеспокоенно и непонимающе.

— Вполне серьёзно. А что? Мне нравится это. Потом я стал бы известным, другие бы звёзды в очередь выстраивались за моей музыкой. Я бы необычную такую музыку делал бы.

Мама начинает негодовать, а отец улыбается:

— А что, Киркоров такой человек... Всякое может выкинуть, — говорит он.

— Нет, я понимаю, что это шутка, — говорит мать уже строже, — но на такую тему... Он работу вон не может найти уже три месяца и шутит ещё.

— Ладно, мам, не кипятись, — говорит отец. Завтрак кончается.

Сижу на лавочке у нашего дома культуры — гуляю. Раньше маме невозможно было выгнать

меня на улицу, я торчал за компьютером, читал или играл на фоне, но в последнее время часто стал ходить по нашему району один, сидеть везде на лавочках или заборчиках, разглядывать старух, стариков и пьяниц. Перед домом культуры небольшая площадь с клумбой, я помню из детства, прямо в центре цветника рос Ленин, которого мы в школе называли «белый Вовчик», а сейчас модная композиция из цветов. Рядом с ней табличка, что цветы заговорены на несчастье местной потомственной колдуньей (а раньше их, видимо, охраняла аура вождя).

Над этой табличкой мы смеялись вместе с Катей несколько лет назад. Кажется, это была наша первая прогулка. Мы встречались в одной компании и долго были просто приятелями. Дома у одного приятеля было пианино, я решил похвастать на нашей посиделке и спеть «Дом восходящего солнца» на английском. Тогда я играл ещё недолго и искал клавиши взглядом, не помня их пальцами. Я запел тихо, но вроде верно, напряженно слушал себя, чтобы не промазать. Романтически растянув последнее трезвучие, я заметил, что Катя с усмешкой посмотрела на меня и отвела взгляд, а остальные не слушали. Мне стало очень по-детски стыдно, она, наверно, почувствовала это и заговорила со мной об английском, чтобы замять неловкость. Потом мы вышли вместе, чтобы купить пиццу для всех, долго гуляли вместе по скверу около ДК, нам звонили проголодавшиеся ребята, потом шутили, что у нас роман. Так и произошло.

Задрожала эзэмеска в кармане, я отвечаю, и скоро из дома культуры выходит мой друг — Антон тут работает техником по звуку, а по ночам играет со своей бандой в их зале. Одно время я был у них на клавишах, потом мне разонравилась тяжелая альтернатива.

Он присаживается рядом со мной на лавку.

— Совещаешься с вождём народов?

— Типа того.

— Как учёба?

— В норме. Сдал начерталку.

— А творческая деятельность? Сочинил что-нибудь?

Меня подзуживает рассказать про письмо, но я сдерживаюсь. Так дети не рассказывают про загаданную мечту.

— Ну так, как обычно, ты знаешь. Я всегда что-нибудь сочиняю, — отвечаю я, играя сам с собой в двусмысленный диалог.

— У нас тут скоро будет праздник, концерт, приходи.

— В честь чего?

— Да вот депутат какой-то районный устраивает.

— Да ты что? Район без воды летом, а они концерты дают.

— Ну так вот, понимаешь. Приходи, если захочешь.

— А вы там играете?

— Да нет, тут другой уровень. Приезжают разные известные исполнители, — Антон особо выделил последнее слово, как андреграундный металлист ненавидит попсовиков; а мой диалог пополнился репликой от Антона. Мы говорим ещё о музыке и разной ерунде, потом я отправляюсь домой, проводить своё время дальше.

Мне ответили. Я уже три раза подходил и перечитывал письмо в Аутлуке. В каком-то роде это даже наглость — ответить на такое идиотское письмо. «Пришлите пробные записи». Может, там сидит какой-нибудь молодой парень, разбирает почту и шутит таким образом?

Конечно, я испугался. Успокаиваю сам себя: какие-то три байта текста, и так волнуешься? Хватило же смелости написать туда, значит, должен и теперь держаться. Наверно, вот она, взрослая жизнь. Мама проверяет, одеваю ли я шапку. Катя бросила меня, когда я не мог найти работу. И вот этот человек сейчас должен толкнуть наконец-то свою жизнь вперёд, чтобы она поехала, как у людей. Чтобы были машины и квартиры, и мешки денег распаханы по углам. И чтобы в каждом кармане моего тела было счастье, чтобы выплёскивалось, когда я переворачивался бы с боку на бок в столь успешно купленном будущем.

— Я же просила, когда я дома, не играть!

Вздрагиваю, закрываю крышку фоно. Играл, чтобы успокоится.

В таком же взбудораженном настроении я приезжаю в институт на пересдачу. По пустым коридорам проходят студенты, которые не пошли на лекции. Иногда они случайно заглядывают в нашу аудиторию и быстро отходят назад: посреди весёлого начала года здесь вдруг реминисценция сессии. Я совершенно не могу сосредоточиться, смотрю будто на всё помещение сразу: вот вошёл секретарь из деканата, говорит что-то на ухо профессору, студент — товарищ по несчастью за соседним столом в этот момент ловко перекладывает маленький листок, в открытом окне шумит проехавшая машина, из салона доносится танцевальный бит.

— Вы готовы? — спрашивает меня профессор.

Я мотаю головой и опускаюсь к листу жёлтой бумаги. Будь что будет. За раз считаю и, не проверив, отдаю ему. Профессор кидает быст-

рый взгляд в листок и, нахмурившись, откладывает его в сторону. Он разрешает мне идти, результаты будут через несколько дней.

Весь оставшийся день я сидел в наушниках перед монитором, переслушивая все свои записи, хотя заранее знал, что ничего из этого послать нельзя. Что-то можно было дать друзьям, что-то было специально для художественных руководителей, чтобы разрешили выступить, что-то было непроявленными набросками только для себя. Каждый раз это повторялась с каждой записью, будто жизнь не давала мне возможности сделать её так, как следует. Везде чего-то не хватало, что находилось только после, как будто я был вынужден экономить и откладывать в запас все найденные постфактум ходы и приёмы.

И вот я сижу на кухне, от тех звуков уже болит голова. А здесь только шипит и бурлит чайник, звякнула микроволновка. Музыка быта.

— Ну что ты грустишь? — спрашивает мать.

— Сплошные экзамены сквозь всю мою жизнь.

— Если бы их не было, ты бы совсем закис в своём болотце.

Катя тоже мне говорила нечто подобное. Наверно, если бы мы поженились, это была бы передача «пост сдал, пост принял» от матери к жене.

Я молчу в ответ.

— Ты молодой ещё. Как-нибудь всё сложится.

— Да, я вот тоже хочу, чтобы как-нибудь уж устаканилось. Чтобы просто ходить на работу каждый день, кормить жену с этого и ребёнка завести.

— Ну зачем же так? Ты всего можешь добиться, если захочешь.

Я мог бы сказать, что хочу жить музыкой, но не стал. Она ведь меня утешает, а я в тупик лезу.

Перед сном я опять сидел у монитора, теперь уже ничего не слушая, только рассматривая короткую фразу, дату и адрес отправителя. Так ничего и не отправил.

Возвращаюсь после пар от метро, слышу, что где-то играет живая музыка. Иду на звук, около дома культуры развёрнут железный каркас и черная материя, это сцена. Проспект за площадью перекрыт, много машин милиции и тёмных хищных джипов. Погода подвела: осенняя водяная пыль, пробирающий ветер. В толпе народа замечаю несколько знакомых лиц. Выступает какая-то молодая певица из телевизора. Несколько минут я смотрю на неё и на политические плакаты, развешанные на огромных колоннах. Пришедших и проходивших мимо доволь-

но много, но никто не толпится у сцены, молодые ребята и девушки стоят или сидят на асфальте вокруг, пьют «ягуары», в сквере неподалёку стоят мамы с колясками, милиционеры ходят между зрителей. Во время музыкального проигрыша певица бежит по сцене с бутылкой воды и поливает себя и размахивает мокрыми волосами. Народ ежится, глядя на неё. Мне надоедает эта фальшь, иду к дому культуры. Мне навстречу Антон, он идёт к пульту в небольшой палатке напротив сцены.

— Это тот концерт? — спрашиваю я.

— Да, он самый. Если не хочешь тут быть, то посиди где-нибудь у нас, не мокни, потом поболтаем.

Тогда я прохожу с черного хода в дом культуры.

Есть одно отличие между художественным вымыслом и реальной жизнью — в последней порой происходят такие случайности, которых никто не потерпел бы в искусстве.

Я захожу в одну из комнат, где обычно хранили аппаратуру, сейчас — резкий запах слишком свежих цветов, в центре комнаты стоит диван, на нём полулежит Киркоров в зелёном сценическом костюме, другой человек стоит у окна и нарочно выдыхает густой сигаретный дым в букет на подоконнике. Оба оборачиваются и смотрят на меня, кажется, я прервал их разговор. Мне на плечо сзади ложится широкая чёрная рука.

— Что это? Уберите, — говорит человек с сигаретой.

— А вам кого? — с ухмылкой спрашивает Киркоров, имея в виду себя.

У меня в голове будто перед смертью пробежала вся жизнь, я одновременно начал говорить какую-то белиберду и тут же отсёк её, заикнувшись и сказав единственную фразу:

— Я от... по поводу нового альбома.

— Вы ошиблись наверно, — беззвучно произносит человек и снова смотрит в окно. Слушает, когда хлопнет дверь, чтобы продолжить говорить, но я не выхожу и он снова оборачивается.

— Моего, что ли, альбома? — спрашивает Киркоров.

— Да, вот, — отвечаю я медленно, неуверенно подбирая слова, — есть новый материал для нового альбома. Необыкновенный. Я написал письмо вам на сайте, — рука неуверенно отпускает меня.

— Да ты что, — усмехается он, — ну покажи, что ли.

— Филипп, послушай... — вмешивается человек, но Киркоров резко перебивает:

— Что? Твои соловьи-то где? Гении твои хреновы ничего не пишут. Где материал, а? Я уже задолбался мотаться по этим залам, там одни старые... тети и дяди. Молодежи такая музыка нафиг не нужна. А я хочу, чтоб слушали меня... Вот молодой человек нам сейчас даст то, что нужно. Как тебя зовут?

— Сергей, — отвечаю.

Подхожу к пианино в углу и со всей силой бью куда попало. Потом оборачиваюсь:

— Такая сейчас музыка нужна. Чтобы у всех кишки свернулись.

Человек у окна долго смотрит на меня сквозь сигаретный дым, ничего не говоря.

Этой ночью не могу заснуть. Жизнь звенит. Слышу своё дыхание, огни окон в доме напротив будто высвечивают меня. Я должен кое-что вспомнить.

Мой дед был лётчиком. Его семья жила хорошо, он полностью обеспечивал их, летом они ездили на юг. Однажды «на работе» лётчики делали испытательные прыжки с парашютом. Мой дед стал прыгать сверх нормы, за это давали премию. Он хотел подарить бабушке лакированные туфли. По приземлении сломал обе ноги. Потом всё прошло.

Мой отец в молодости был музыкантом. Может быть, сейчас трудно понять, что такое быть музыкантом в стране советов. Пел и играл в ресторане «Узбекистан». Он говорил: «То ли люди были не те, то ли что... Мы не могли никуда продвинуться. Да нет, люди были что надо. Время такое было, музыкант — только в ресторан. Ну на танцы ещё».

Кто я? Я не наследственный туняец. Просто ощущаю порой, что бесполезно делать что-то. Только музыка — она здесь и сейчас, у неё нет завтра. Завтра может и не быть. Поэтому я хочу делать только музыку.

* * *

Охранник в псевдоформе частного спецназа не хочет меня пускать, я говорю ему, что на встречу с Иваном Алексеевичем и Киркоровым. Он машет на меня рукой из-за стекла, улыбаясь моим словам, настолько забавными они ему кажутся. Почему-то меня нет в списке пропусков. Какой-то служащий случайно видит издали эту сцену и кричит «пропусти, давай». Охранник оборачивается, потом с многозначительным видом смотрит куда-то в свой журнал, записывает паспортные данные. Строго глянув на меня, делает разрешающий жест рукой, как грехи отпустил.

Я хожу по лабиринту белых пластиковых стен, спрашиваю, где это комната 1102. «Да это же одиннадцатый этаж». Еду в лифте со звоночком, как в микроволновке: посетитель испечён. Прихожу, наконец, в нужную комнату. За столом сидит Иван и неизвестный мне человек, который здоровается со мной и предлагает сесть. Иван закуривает — это тот человек, который везде сопровождает Киркорова и ведаёт большинством его дел и курит постоянно. Он был тогда вместе с ним в доме культуры. Теперь он не говорит ничего и только изредка взглядывает на меня. Сам Иван одевается богато и чудно, так, что, в случае чего, может одолжить свой костюм на замену сценическому Киркорова. Рядом с ним сидит прилизанный менеджер и протягивает мне листы контракта. Я начинаю читать. Иван будто размышляет вслух:

— Я тоже в своё время вот так вылезти хотел, да? Правда, я потратил на это много лет. И тебе надо тут многому научиться, понимаешь? Иначе и не будет никакого контракта...

Читаю второй раз, но мало что понимаю, чувствую, что меня ждут — они оба и всё это одиннадцатизэтажное здание продюсерского центра.

— Кажется, я получу деньги прямо сейчас, а потом ещё, если всё будет хорошо?

— Именно это там и написано, — отвечает с улыбкой менеджер и двигает мне через стол ручку с золотым колечком.

Я смотрю ещё раз на строчки контракта. Это как во сне, когда надо прочесть что-нибудь, ты подносишь бумагу всё ближе к лицу, но различаешь только бессмысленные корявые буквы. Подписываю.

— Вас отвезёт домой наш водитель и начиная с двадцать пятого числа, то есть следующий понедельник, вы должны будете работать над материалом в нашей студии. Случай у вас особый... — он что-то не договаривает и смотрит на Ивана.

Я благодарю их.

— Это ваш аванс и ещё кое-что

Он даёт мне белый конверт и ещё большой пакет с дисками, их столько, что они выпирают углами из полиэтилена. Я заглядываю внутрь, там, кажется, самая полная коллекция записей Киркорова.

— Ты понимаешь, что не хуже надо сделать, да? — с усмешкой говорит мне Иван.

Я молча киваю, беру всё это. У выхода из комнаты меня встречает водитель, это старый мужчина в черном костюме. Он улыбается мне и даже берёт у меня из рук пакет. Мы спускаемся вниз, охранник провожает нас удивлённым

взглядом, кажется, за моей спиной они перебарсываются парой фраз с водителем — «кто, а?» — «новый наш товарищ» — я не оборачиваюсь. Мы идём на стоянку во внутреннем дворе, я пытаюсь угадать, на чём поедет. Подмигивает на зов брелка сигнализация на черном джипе, еле втиснутом среди прочих машин.

Я показываю путь до своего дома, путая право и лево. Благодарю водителя, иду к двери. Он окликает меня: «А пакет!» Я улыбаюсь, всплескиваю руками и забираю его, а войдя в подъезд, будто по наитию, как бумажный спам из почтового ящика, бросаю пакет с дисками в мусоропровод. Мелькнул страх бросить туда же и деньги, ощупываю сложенный конверт во внутреннем кармане. Не раздевшись, я долго стою в коридоре, держу в руках тысячи и считаю. Потом долго сижу на полу, очень жарко.

А ещё только три часа дня, я смотрю на часы в коридоре. Можно успеть всё потратить. Вскликаю, забираю деньги и вылетаю из дома. Уже видна витрина и никчёмные плакаты известных музыкантов с гитарами и просто так, я чувствую, меня трясёт, холодный ветер щупает вспотевшее тело. Прохожу ко входу, плакатные звёзды провожают меня взглядом.

Тогда сидел у Кати дома и показывал ей в Интернете цифровое фортепиано, о каком мечтал. Она стояла рядом со столом, я сидел в старом скрипящем «компьютерном» кресле.

— У тебя же уже есть одно, — сказала она в ответ.

— Ну... это лучше, понимаешь, — хотя я и сам не мог сказать точно, зачем мне другое. И играть я не слишком-то хорошо умею, и денег лишних нет, а почему-то хочется. Так я ей и сказал:

— Это просто моё баловство. Чтоб мне хорошо себя чувствовать.

— Лучше бы подумал о чём-нибудь полезном.

Я закрыл страничку и хотел её обнять. Скрипнуло кресло, когда я потянулся к ней.

— Нет, погоди. Ты мне скажи, Серёжа, если мы поженимся, ты вообще работать думаешь? И деньги будешь все спускать на твои фоно?

— Да нет, я тебе буду всё отдавать, — пошутил я, прикладывая голову к её груди.

Она рядом как каменная, стояла и не отвечала на мою ласку. Я знаю, что это была маска, чтобы меня растряссти, заставить как-то изменить свою жизнь. Я знаю, что она меня любила, а может, и сейчас. А теперь вот кучка денег в кармане, а её нет, пусть и денег не будет.

Большую коробку я прислоняю к железной решётке ларька, за которой витрина с пивным,

шоколадным и газировочным товаром. Продавщица недовольно высовывается из маленького окошка.

— Сейчас уберу, — говорю я, — дайте невскую булочку.

Отдаю ей десятку с мелочью из сдачи. Одновременно есть булку и нести большую коробку не получается, я сажусь на заборчик, ставлю свою покупку рядом. Откусываю сладкое жирное тесто, поглядывая на картонный прямоугольник рядом с собой. Оно будто живое, всё смотрит на меня оттуда.

На следующий день стучусь в родной деканат. Девушка-секретарь поднимает на меня взгляд от бумаг, когда я подхожу к её столу. Я протягиваю ей заявление: «Прошу освободить меня от занятий до зимней сессии следующего года ради всего святого. Личные обстоятельства непреодолимой силы». Она пробегает глазами, потом ещё раз удивлённо и смотрит на меня:

— Я такое... как, я не могу такое заявление принять.

Я стараюсь выдержать паузу, потом говорю тихим и низким голосом:

— Простите... я не могу вам назвать, но у меня причина, у меня сверхпричина, — начинаю волноваться и неправильно подбираю слова, — сейчас решается моя жизнь. Вы просто передайте это заявление куда надо.

— У тебя же пересдача была недавно! И ты снова берёшься пропускать. Нет!

— Послушайте, я поговорю с деканом, с ректором, с кем надо, сейчас мне нужно быть в другом месте. Кровь из носа.

— Нет, нет, я не могу принять такое заявление. Иди к декану.

В другой день я, понурив голову, пошёл бы на пары, теперь я прохожу в соседний кабинет с золочёной табличкой на черной двери.

— Добрый день, — здороваюсь я, называя декана по имени и отчеству.

Он сидит за пустым столом, глядя в монитор компьютера, и как-то неуверенно двигает мышкой. Нашему джинсовому студенчеству декан — пример, когда проходит по коридору: выглаженный черный костюм, красная рубашка. Смотрит сквозь, думает о чём-то своём.

Я представляюсь и говорю:

— Мне нужно, чтобы меня отпустили с занятий до конца этого семестра. Но заявление моё не приняли.

Он молчит, нахмуривается, снимает большие коричневатые очки. Глаза чуть слезятся от усталости.

— Какая у вас причина?

— Вы понимаете, это личная причина. У меня работа, от которой я не могу отказаться.

— А от института можете?

— Дело в том, что я записываю альбом с Филиппом Киркоровым. Вы понимаете, я не могу отказаться. Эта работа будет требовать всего моего времени, и я не смогу посещать институт.

Декан снова молчит и думает. Так странно разделять мой абсурд с этим серьёзным человеком. Он протягивает руку, я даю ему заявление, от моего почерка он кривится, как от кислоты. Или от слов? Машет на меня рукой, то ли отпуская восвояси, то ли ставя крест.

В девять утра понедельника у моего дома вновь стоит большой чёрный внедорожник, я вижу его из окна и спускаюсь. Сегодня за рулём Владимир Сергеевич. Он либо другой молчаливый детина возят меня на сессии записи и с них домой. Мне это было приятно, пока я не подумал, что не могу пойти от подъезда никуда, кроме как на заднее сиденье черной громадины.

Старый водитель раскачивает головой по привычке — в машине не трясёт, это память советского автопрома. Играет шансон. Я смотрю на его затылок с редким торчащими волосками, как они стучаются о ворот белой рубашки. Мы доезжаем до пробки и стоим. Владимир Сергеевич начинает рассказывать что-нибудь — в разные дни он говорит о футболе, запчастях, его «бабских неполадках» с женой, но от меня слышит одинаковое «угу» в ответ, впрочем, ему всё равно. Один раз он заговорил о своей семье, потом о себе, я слушаю внимательно:

— Я, знаешь, в молодости тоже вот всё с головой во что-то уходил... Помню, вот одну штуку я задумал. Ну ты знаешь. Вечный двигатель, — он полуобернулся, вытянулся ремень, на меня с улыбкой, — я вот физику ещё в школе очень любил, и потом пришла мне идея, и я его начертил как бы. Прямо вечный двигатель, и собрал. Там такие были противовесы, ну ты понимаешь, как бы Земля наша вот крутится и ведь не останавливается, а в чём все дело, — он на секунду осёкся, вспоминая, в чём было дело, — так вот я к этому секрету подбирался. Все дело в массе... кажется, в массе и скорости. И что вот ты думаешь, я его собрал. И три дня он у меня крутился, без остановок, я хотел даже учителя позвать нашего.

— И что учитель? — спрашиваю я.

— А учитель... — всё дальше заходит его речь, медленнее произносит он слова, — ну, тогда я не

помню, он не пришел, кажется. Я потом думал в институте этим заняться, но пошёл служить и всё... Потом вот как-то стал я работать. Вот. Вожу вот, — произносит он со вздохом, — вожу, всё вожу теперь, уже двадцать лет вожу.

Мы молчим. Он сбился на стариковскую грусть, и я больше не знаю, что сказать. У него звонит телефон. Он говорит с Иваном Алексеевичем, отвечает, что мы едем, но попали в пробку, как обычно. Больше он ничего не говорит, и я слушаю плеер.

So welcome to the machine. А Иван был весьма странным человеком. При простецкой речи и неподходящем имени обладал властью в этом мире, куда я проник через чёрный ход дома культуры. На записи он порой с презрением смотрел на меня, когда я не знал чего-то, порой просто говорил «нет», и я долго говорил ему про принципы контраста, про сочетание гармонии и мелодии, но он даже не повторял второй раз своего слова. Порой мне казалось, что он сам многого не знает, или не понимает, или не хочет понимать, а только лишь пользуется своим правом вето, когда сталкивается с подобными вещами. Часто у них с Филиппом происходил разговор, когда Киркорова тянуло на гамлетовские интонации: «Я звезда или не звезда?» — «Филя, расслабься». Сам Филипп выходил из себя и раздражался на Ивана, потому что тот мог менять его распорядок дня и прямо планировать его жизнь. Со временем я понял, что подобные управляющие есть у каждой звезды, и это нечто большее, чем пресловутый продюсер. Именно они делали «индустрию», общаясь между собой: Иван звонил Анатолию, Анатолий встречался с Петром, а зрители видели дуэты звёзд и их участие в разных проектах.

Почему-то Иван почти постоянно курил дешёвые сигареты, посылая за ними водителя, который, кряхтя и с улыбочкой, тихо выходил из комнаты.

Запись в самом разгаре. Я сижу с закрытыми глазами, стараясь отвлечься от всех вокруг и сконцентрироваться на звуке. Мы прослушиваем уже готовые фонограммы перед тем, как готовить новый материал. Когда я открываю глаза, большой режиссёрский пульт делает меня маленьким.

Последнее время я давлю в себе чувство мыши, которая вдруг выскочила в зал: мне всё время кажется, что лучше пропасть на два месяца, бросить всё, разбить сотовый и отрезать себя от этих людей. Я вспоминаю, как стоял в комнате, уставленной цветами, и храбро говорил — или это был вовсе не Серёжа, а кто-то другой?

Открывается со шлепком звуконепроницаемая дверь, входит Киркоров, черная рука закрывает её снаружи.

— Ну что? — он садится рядом со мной, смотрит сквозь стекло на комнату записи, где стоит ударная установка, техник подвигает к ней микрофоны.

— Сегодня мы проведём эксперимент, — тихо говорю я, улыбаясь.

— Всё, что ты тут делаешь, — и так эксперимент, а?

Пропускаю мимо, выжидаю пять секунд.

— Я хочу, чтобы мы записали вашу игру на барабанах.

Он тоже выжидает пять секунд.

— Зачем?

— Я понимаю, что это будет не очень музыкально. Но это необходимо. Это будет очень откровенно.

Он молчит, рассматривая подбоченившуюся за стеклом установку. Может, я его смутил?

— Нужно просто стучать по ним громко или тихо. И так и так. Без разбору, — добавляю я, Киркоров молчит.

— Ладно, — он поднимается, скидывает куртку на стул, как перед дракой, и заходит внутрь, выходящий техник его пропускает.

— Включайте, пожалуйста.

Загораются красные лампочки каналов, идущих на запись, Киркоров прохаживается по комнате, пальцем шатает бронзовую тарелку. Та немного шипит, не давая полного голоса. Я вновь закрываю глаза и слушаю.

Шорох одежды, нажим крутящегося стула. Лёгкий деревянный стук, взял палочки. Пауза. Несколько бронзовых всполохов, приглушённый голос через микрофоны издали «что, вот так, что ли?». Пауза, вздох. Неровный сухой стук, как будто в дверь постучали, — малый барабан. Ещё шорох, звяканье, задел опору ногой. Молчание, потом «Я не понял...». Глухое уха-нье, бочка. Потом цоканье хета, поднимается, как упавший калека, медленной ритм с провалами и шагами бочки невпопад. Вспыхнула бронза, долго остывая, цоканье сменилось треском и шумом падающей воды, неровным, сильным. Глухо сказал «а ещё так могу», запрыгали камни, сваливаясь с порогов водопада, удары реже и сильнее, человеческий голос ругается, что ли, не разобрать, потом лязг, что-то упало, компьютерный писк — я открываю глаза, установка ходит ходуном, Киркоров машет над нею руками, сжав зубы, будто от злости, потом подсказывает и размахивается было ударить бочку ногой, но резко отворачивается, швыряет палочки — в перегруженном цифровом гуле стукнуло звонко

живое дерево — и выходит вовсе из студии, буркнув, что сейчас вернётся. Побледневший техник косится на меня.

Вечером возвращаюсь домой после целого дня в их центре. Темно, идёт дождь, сквозь стекло машины я, лёжа на заднем сиденье, смотрю на плавающие огни мокрой дорожной палитры. Вспыхивает зелёный шар, мы едем, загораются впереди красные глаза тормозов, мы тоже при- тормаживаем. Потом сворачиваем во двор, тут темно, только большие жёлтые пятна от лампочек над подъездами. Я выхожу из машины, на пятках добегаю до ступенек, кто-то подходит сзади. На большом пальце подношу домофонный магнит.

— Простите, вы Сергей?

Я оборачиваюсь: какой-то человек с пакетом стоит позади меня под зонтом, фары нашего отъехавшего джипа вдалеке. Отвечаю.

— У меня к вам одно дело, Сергей. Вы меня не выслушаете? — он поднимается ко мне под козырёк, складывая зонт, я могу разглядеть его. Наверное, ему больше шестидесяти, это худой старик. Я держу пищащую дверь, потом шагаю внутрь подъезда, он заходит за мной. Теперь он стряхивает со своего старого пальто капли дождя и смотрит в свой пакет, будто у него там зверёк. Под пальто у него стариковский коричневый костюм, когда-то бывший на выход. У старика седые кудрявые волосы и светлые глаза, тонкие очки в золотой оправе.

— У нас в районе, как вы знаете, — начинает говорить он какую-то заготовленную речь, но медленно и неуверенно, — есть краеведческий музей и уже давно при нём существует отделение исторической куклы.

Он делает паузу. В подъезде тихо, его хрипловатый голос отдаётся вверх на этажи. Мне следует позвать его с собой домой, но я никак не могу понять, что ему от меня надо.

— Вы, может быть, помните, я был в вашей школе несколько лет назад и вы были тогда ещё школьником, и тогда наше отделение делало представление...

Он говорит всё это, смотря куда-то чуть в бок, я никак не могу поймать его взгляд.

— У нас замечательная коллекция... — наконец я вижу его глаза, и насколько зол он сейчас, он мучается.

— Простите, что вам нужно от меня?

— Наша коллекция... мы можем предложить вам... вернее, я слышал, что вы сейчас сотрудничаете с Филиппом Киркоровым.

Он вновь останавливается, подбирая слова. Открывается дверь, входит знакомое лицо с

пятого этажа, буркнув «здрости», проходит к лифту. Я провожаю взглядом уехавшую кабину.

— Мне кажется, что я не могу вам помочь. Извините, — говорю я, чтобы закончить этот странный разговор.

— Может быть, вы могли бы передать вот это. Это работа мастеров нашего отделения, — он достаёт из пакета две куклы и вручает их мне. Одна — это тряпичная девушка в красном народном сарафане, почти без черт лица, с соломкой и пуговицами. В той же манере сделан мужчина в черной рубашке с кудрявыми нитками.

— У вас отделение исторической куклы?

Он кивает, на секунду пропадает озлобленность.

— Да, наше отделение — это... вы понимаете, есть большая и малая история. Что будет, если о чём-то не напишут писатели и не скажут историки? Вот мы как раз это и сохраняем.

— А это разве историческая кукла? — спрашиваю я, указывая на тряпичного Киркорова.

Старик смотрит на меня с прежней злостью, я отвожу взгляд.

— Я постараюсь что-нибудь для вас сделать, но... я ничего там не могу, понимаете.

Мы ещё немного молчим.

— Дайте мне ваш телефон, — мне неловко перед этим человеком.

Он даёт мне бумажку с номером, «всего доброго» и уходит. Я еду в лифте, разглядывая два болтающихся тельца, подбиваю пальцем отвисающую назад голову Киркорова. Дома уже все спят, я стараюсь не шуметь.

Антон с удивлением оглядывает студию, медленно, как в музее, подходит к усилителям и инструментам в комнате записи. Качает головой:

— Да-а. Слушай, а нельзя как-нибудь тут запись сделать моей группы?

Улыбаюсь, эта его прямота, когда в нём говорит влюблённый в своё дело музыкант, мне нравится, и я отвечаю:

— Да без проблем, — хотя сам не знаю, возможно ли такое.

— Ну, повезло тебе, Серый

Мы включаем аппаратуру, тишина заполняется молчанием звуковой силы. Я позвал его помочь, я и впрямь один не справлялся. Киркоров или, может быть, Иван специально убрали некоторых специалистов из команды, чтобы большинство механической работы мне пришлось делать самому. Или мне так только кажется? Из-за этого я провожу в студии или в их центре

всё время без остатка, это выжимает меня, не оставляя ничего для музыки. Однако я хитрю и приглашаю кое-кого из своих друзей мне помочь: один фотографирует для обложки, другой находит тексты. Я точно так же, как Антон сейчас, звонил им и без всяких «как дела» говорил о том, что мне надо. Антон записывает для меня гитару в нескольких местах.

Вдвоём мы справились со всем рано, и я еду проведать институт. Уже довольно поздно, только в некоторых аудиториях горит свет, большинство студентов уже ушли. На стенде у деканата вывешен приказ, среди отчисленных — моя фамилия. Я перечитываю список несколько раз. Может быть, всё это длительные последствия этого странного наркотика, из-за которого я временами вижу Киркорова и пишу с ним альбом. Как только дурман рассеется, всё вновь будет на своих местах. Я выхожу из пустого здания в огромный асфальтовый двор, мне нравится гроыхание моих шагов и сколько музыки можно из этого сделать.

* * *

Новый год, уже сделана большая часть песен. У нас дома собирается много родственников, хотя уже давно никто не приходил. Никто из них не знает, чем я в точности занимаюсь, старался не говорить об этом особо. Тем не менее за столом все смотрят на меня, будто я и ёлка, и Дедушка Мороз, и Снегурка в одном лице. Читает речь президент, «у нас есть традиция дарить друг другу панамки» — что он сказал? — подарки, хотя мне тоже послышалось, потом начинаются по всем каналам десять концертов, случайно щелкая, кто-то включает Киркорова, и все слушают его новогодний номер в образе старой армянки с большим вниманием, не переключая канал.

— Может, ты, Сергей, — говорит мне отец, — тост скажешь?

Он что-то вкладывает в эту фразу, будто вот видишь, уж теперь-то ты подросток и можешь говорить.

— Ну... — сам не знаю зачем я начинаю, — всех с Новым годом... типа, с новым счастьем.

Гости смеются над моей угрюмой интонацией, а мой дядя с другого конца стола говорит:

— Ну что такой угрюмый? Ты ж теперь звезда.

«Да, да — а почему — а Киркоров», — говорят за столом с разных концов.

— Ты музыку записываешь с Киркоровым, да, Серёжа?

— Да, записываю и перезаписываю.

— А что ж ты его к нам не пригласил? — снова спрашивает дядя.

— Он занят, Дедом Морозом работает — шутит кто-то из гостей.

— Ну вот... — бурчу я что-нибудь в ответ.

На новогодних праздниках родители уехали в дом отдыха, а я остался дома один. Теперь я хожу по квартире, в большой комнате полутемно, черный треугольник и черный квадрат — стол и ёлка. Я ухожу к себе и долго играю, бессмысленно и механически, быстро обрывая фразы и хватаясь за другие. Я сам не знаю, что со мной, как будто мозг разогнался до бешеной скорости и не хочет останавливаться. Поминутно я смотрю в телефон и проверяю почту, бросив мышью, снова ударяю аккорды, иду на кухню, пью воду, играю нервный ритм, ничего не понимаю, всё стало на полтона выше, резче, я уже не помню. Долго стою на балконе, ветер сдувает снег с перил на меня. А недавно ещё мир был так наполнен музыкой. Альбом почти завершён, осталось всего две песни.

Чертовы форматы, на сколько уступок я пошел! Тогда, осенью, мне казалось, что всё это будет как-то естественно, что надо дать играть внутреннему голосу и всё сложится само собой. Однако нельзя было делать тихую музыку, нельзя было делать слишком долгую или короткую, нельзя было разбрасываться звуком, и я не брался уже спорить. Все обертона того наглого удара по клавишам, что я сделал тогда в зацветшей каморке дома культуры, — они растворились, я больше не могу перебарывать эту машину.

Ладно, есть простые возможности написать песню. Я сажусь вновь за клавиатуру, руки немного онемели на морозе. Та самая морозная свежесть. Те самые радостные люди с белоснежными улыбками. Безграничные горизонты феерического наслаждения и немного светлой грусти. Есть простые возможности.

— Ты знаешь, это мне нравится больше всего, — говорит Иван на следующий день, — все эти твои порывы я, конечно, потерпел, но теперь ты выдал действительно хорошую песню. С этим можно серьёзно поработать.

Он тихо поёт мелодию «на-на-на-на» вслед за фонограммой.

— Да, это будет хит. Во всяком случае, сингл, — продолжает он.

— И клип отличный снимем, — добавляет Киркоров, — синий такой, да?

Он усмехается чему-то, Иван закуривает, мы слушаем запись в клавише ещё раз, я молчу. Работа окончена, дурман на исходе.

* * *

Когда я сегодня проснулся, то на минуту забыл всё, что произошло. Смотрю на белое утро, на крупный снег, который висит на частых ветвях деревьев, они рисуют очень сложный чертёж, который заполняет моё окно. Точки-снежинки и прямые-ветки. Потом я поворачиваюсь в комнату и вижу на столе черный квадратик компакт-диска. Я нажимаю «плей» на проигрывателе и он продолжает оборванный вчера вечером звук. Всё было, всё.

Потом ищу чего-то в Интернете по названию альбома, но ничего не нахожу. Официальный релиз — новость на сайте, несколько анонсов и предложений в интернет-магазинах, отзыв одной строчкой на сайте Академии Всех Добрых Людей с множеством восклицательных знаков, как будто написавшего сразу разорвало от восторга. Я набираюсь храбрости и звоню Ивану. «Алло», — отвечает он.

— Здравствуйте, это Сергей. В Интернете нет на наш альбом никаких рецензий...

Он молчит в ответ.

— Может быть, нам нужно повторить презентацию или запустить какую-то ещё рекламу?

Он ничего не отвечает. Слушает дальше. Я вздыхаю, не знаю, как к нему обратиться. Сейчас я говорю на его языке «продакшн» и будто нарушаю правила игры, которые оберегали меня от него.

— Ну, это же получается просто пустая трата денег. Вы что, хотите просто ждать? Столько вложено в запись и вы не раскручиваете... Я сделал всё для этой пластинки, но она просто так не будет продаваться. Кто за это отвечает?

— Как же, твоя гениальность и не будет просто так продаваться?

— Вы... — я запинаясь.

Он ещё немного молчит, потом будто усмехается:

— Пиздец тебе.

Телефон отключается.

Я сижу за столом. От слепящего монитора болят глаза, я выключаю его. За окном чернее небо и непонятно, где облака и где космос, кусок оранжевого света опускается за дом, начинается темнота, кровь стучит в голове, от этого все цвета кажутся ярче. Скоро из этого неба начнётся весна.

Не знаю, что это такое на самом деле, но со мной часто случается потеря чувства реальности. Я могу смотреть на свои руки или пристально вглядеться в другого человека — и ощутить, как будто я уже не я. Всё, что живёт у меня в голове, вся музыка, все мои мысли и воспомина-

ния, — всё это так оторвано от моей скверной пустой жизни, что я будто удивляюсь, обнаруживая себя, а не того человека, которым я был сейчас в размытом образе.

Каждое утро я выглядываю будто случайно в окно, но двор пуст, только заледеневшие грязные следы разворота на снегу от шин. И я теперь и не знаю, что было, а что не было.

Родители рано уходят на работу и не знают, что я больше никуда не езжу. Вот я опять просыпаюсь, в квартире тихо и я рад этому, меня ничто не будет тревожить. Не буду включать радио, не буду слушать диски. Кажется, есть диск, который я особенно не буду слушать. Вот я снова просыпаюсь, не замечаю отражения в ванном зеркале, белая пена утекает. Открываю глаза, дни текут, и кто-то звонит в дверь.

«Алло», — спрашиваю я со сна, потом откашливаюсь, «кто там?». Кто-то строгим голосом меня спрашивает. Хмурюсь, открываю. Какая-то серая бумажка в руках.

Апрель, а мы едем плацкартой. Трое моих товарищей молча лежат, закинув руки за головы и глядя затылки — ежик в новинку. Станция, куда нас тащат через степи, называется очень смешно — Победа. Уже несколько часов мы едем молча и в тишине, а тут из шипящего радио в изголовьях верхних полок всех кабинок начинается храпывать престарелый встречный марш.

Я вздрагиваю от звука и будто вижу его лицо и весь наш разговор по телефону, и как он вечно курил у меня за спиной. Он не сказал мне почти ни слова за все сессии в студии, что у нас прошли; потом вышел альбом и были долгие недели в проглоченной тишине. Не вышло ни одного отзыва, только на нескольких порножелтых сайтах появились баннеры с фотомонтажом: Киркоров с белой пеной у рта и подпись: «Король эстрады сошёл с ума».

Хорошо, что с Катей мы расстались до этого. А то бы она плакала, потом мучилась, ждала бы меня. Пусть так, будет лучше.

Один из ребят сидит на кушетке, кажется, что он хочет заговорить и всё не решается. Я смотрю на него, он отвечает мне взглядом.

— Ну, давайте знакомится, что ли? — говорит он бодро, улыбаясь и морща лоб.

С задержкой все называют свои имена.

— «Рамштайн» кто-нибудь любит? — продолжает он. Парень, лежащий над ним, свешивает голову вниз, смотря на макушку говорящему.

— Да, а вот ещё новый альбом Киркорова никто не слышал? Я у тётки своей послушал и забрал, это такое... — продолжает говорить весёлый.

Опять смотрю на него, потом на наш поезд, который гнётся в окне на повороте. Я и моя армия идём к Победе.